

Б Е Р А
Калачкава

*Партня
для
собрака*

Вера Александровна Колочкова
Партия для ловеласа
Серия «О мечте, о любви, о судьбе»
Серия «Секреты женского счастья»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6114372

Колочкова В. Партия для ловеласа : роман : Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-65836-7

Аннотация

Вероника вышла замуж рано. Не по большой любви – по необходимости. Уж очень хотелось избавиться от мучительной опеки матери! И все десять лет супружеской жизни была заботливой женой, любящей матерью и прекрасной хозяйкой. Муж Игорь души в ней не чаял. Но однажды по нелепой случайности он подслушал телефонный разговор супруги и с горечью осознал, что у нее есть любовник... В тот же день Игорь ушел. А Вероника обрела свободу. Но на душе у нее беспокойно, а в жизни начинают происходить странные и страшные события. Сумеет ли девушка отличить сиюминутную страсть от настоящего глубокого чувства?

Ранее роман выходил под названием «Плохая хорошая жена»

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	44
Глава 4	53
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Вера Колочкова

Партия для ловеласа

Глава 1

Игорь старательно потопал ногами, стряхивая с лыжных ботинок снег, потом, с удовольствием подмигнув раскрасневшемуся от быстрой ходьбы Андрюшке, открыл дверь подъезда и пропустил мальчишку с его маленькими пластиковыми лыжами вперед, отметив про себя, каким здоровым зимним румянцем горят его упругие детские щечки. Все ж таки замечательное это дело – воскресная лыжная прогулка по прилегающему к их дому лесопарку. Да еще и на пару с шестилетним сыном. Да еще и в такой звонкий морозец. Жаль только, что Вероника не разделяет этих воскресных их утренних удовольствий: зимой – лыжи, летом – легкие пробежки с купанием в пруду... Валяется в постели да тупо переключает телевизионные каналы, перескакивая с одной развлекухи на другую, и упорно пытается доказать им с сыном, что для нее это и есть настоящий отдых. Слава богу, хоть к их приходу с прогулки обед умудряется приготовить...

А вообще он зря на жену свою ворчит. Хорошая она у него, замечательная просто. И в свои двадцать восемь выглядит как юная комсомолка-восьмиклассница, несмотря на

десятилетний уже семейный стаж. Такая худенькая, милая блондинка с совершенно наивным детским личиком, синими глазами-блюдцами да красиво очерченным пухлым бантиком губ. Просто прелесть что за женщина. Ангел, а не женщина. Вовсе не зря он так долго себе жену выбирал... До тридцати лет все никак не решался на этот шаг, как тот доктор из известного новогоднего фильма, который боялся, что жена будет мелькать у него перед глазами. Туда-сюда, туда-сюда... А как Веронику увидел первый раз, так для себя и решил – вот она, моя женщина. Пусть сколько угодно перед глазами мелькает, ему от этого только лучше будет. И женился сразу, с ходу, несмотря на приличную разницу в возрасте и долгие мамины уговоры не делать этого так поспешно и ее же испуганные предсказания о том, что разочарование его будет близким и неминуемым, что родится ребенок, потом поздно будет...

Никакого такого разочарования у него не наступило. А все было совсем наоборот – Вероника оказалась женой очень хорошей. И с удовольствием вечерами он взглядывал на ее маленькую и аккуратненькую, мелькающую у него перед глазами твердую попку, обтянутую эластичными штанишками. И, сидя за кухонным, накрытым к ужину столом, взглядывал, как она ловко мечется между плитой, мойкой и холодильником, и после ужина, развалясь в кресле перед телевизором, с удовольствием наблюдал то там, то здесь это приятное туда-сюда мелькание...

Жили они с Вероникой хорошо, размеренно и без семейной злобной ругани. И Андрюшка рос здоровым и спокойным мальчишкой. Что еще нужно человеку для счастья? Он – глава семьи, муж, отец и добытчик, она – молоденькая, с легким, но без придури, слава богу, характером и совсем не глупой кудряво-блондинистой головкой... Благодаря этой своей неглупой головке и институт умудрилась закончить, не отходя, как говорится, от семейно-материнских обязанностей. Нет, все сходилось к тому, что с женой Игорю просто сказочно повезло. Зря мама так расстраивалась...

Все эти приятные мысли вихрем пронеслись у него в голове и тут же вылетели, оставив после себя щекочущее-теплое ощущение, как прикосновение легкой морской пены от накатившей, но не успевшей обрушиться на тебя всей тяжестью волны. Вот интересно все-таки, отчего это приятные мысли никогда в голове не задерживаются, а занудно-неврастенические, наоборот, норовят остаться там надолго, и никакой такой волной их оттуда не вышибешь? Странно даже...

А как пахнет-то вкусно на лестничной площадке, господи! И именно со стороны их двери – жарящейся с чесноком да с лимоном в духовке курицей пахнет. Он этот плотный съестной дух уж ни с чем не спутает. Особенно в воскресный день. Особенно после долгой лыжной прогулки по звенящему зимнему лесу. Особенно в предвкушении послеобеденного футбольного матча, который будут транслировать сегодня по спортивному каналу...

– Мама! Я два раза с высокой горки скатился! Сам! – зазвенел с порога голосом-колокольчиком Андрюшка, топая на кухню, куда скрылась бегом, отворив им дверь, Вероника. – А папа только внизу стоял и смотрел! А я сам!

– Молодец, сынок! Только почему ты сюда в ботинках шлепаешь? Я, между прочим, пол мыла!

– Э! Андрюха! Ты чего это, в самом деле... – поддержал жену Игорь, стараясь придать голосу побольше отцовской строгости. – А ну, давай обратно! Мама старалась, а ты...

Быстро раздевшись, он встал под душ и с наслаждением закрыл глаза, ощущая, как по разгоряченному, выбросившему за эту прогулку через пот все ненужные шлаки телу стекают жесткие водяные струи, освобождая кожные поры для дальнейшей здоровой жизни. Ух, хорошо! А плотный жарено-чесночный запах нагло проник уже и в ванную, и щекочет ноздри, и дразнит желудок, выделивший в ответ положенный ему по человеческой физиологии пищеварительный сок.

– Вероничка, ты у меня не жена! Ты у меня сорок восемь килограммов чистого золота! – развалясь в толстом махровом халате на кухонном мягком диванчике, улыбнулся Игорь в ее обтянутую зелеными лосинами попку, фигурно выпяченную от наклона корпусом вниз перед открытой дверцей духовки.

– Не смейся, а то уроню... – все-таки засмеявшись, проговорила Вероника, доставая из духовки горячий противень. Курица, золотисто зарумянившись, до сих пор гордо шквор-

чала на нем в собственном соку, словно представляла собой в данный момент наивысший эталон, пиковую точку их семейного воскресного счастья, обсмеянного старательно, как вдруг подумалось Игорю, Ильфом и Петровым с их литературно-классическим «Мусик, когда будет готов гусик...». Вот зря, зря они осмеяли это счастье-то. Потому что, если разобраться, ничего тут смешного и нет, а есть одно только сплошное, пусть и ограниченно-физиологическое, но все-таки удовольствие, которое как раз и является, как его ни называй, наиважнейшей составляющей этого самого семейного счастья...

– А давай-ка ее, голубушку, сюда, да побыстрее! – потер плотоядно руки Игорь. – Сейчас, сейчас мы с ней расправимся! У меня там футбол через двадцать минут начнется...

– Да ладно тебе, футбол! – весело обернулась к нему Вероника. – Знаю я твой футбол! Сейчас усядешься в кресло и заснешь моментально часика примерно на два. Как раз к окончанию матча и проснешься!

– Нет, малыш, ты не права. Не засну. Слишком уж игра ответственная сегодня.

– Ну-ну, посмотрим...

Ровно через двадцать минут, уже развалившись в широком удобном кресле перед телевизором, Игорь опять ощутил в себе прилив прежнего довольства своей жизнью, такой благополучно-устроенной, такой физиологически-здоровой, такой удобной и правильной. Яркое зимнее солнце, преломля-

ясь лучами сквозь морозное стекло и красивые ажурные портьеры, ласково-игриво заглядывало в глаза, било прямиком в верхние веки и все цеплялось за них ненавязчиво, и тянуло, тянуло вниз, уговаривая на сладкий и сытый послеобеденный сон. Из последних сил сопротивляясь этим уговорам, он пару раз встряхнул головой и попытался как-то включиться в голос футбольного комментатора, но солнце оказалось сильнее. Навалилось, обволокло сонно-желтой одурью и все-таки унесло в расходящуюся под веками оранжевыми кругами дрему – права оказалась его жена Вероника. Умница Вероника, красавица Вероника, чистое золото Вероника...

Он и в самом деле уснул бы крепко и надолго, если б не этот телефонный звонок. Словно ножом прорезывая тончайшую грань между легкой, до сих пор сопротивляющейся коварному солнцу дремой и основательным уже сном, он прозвучал будто откуда-то издалека и долго, главное, так надрывался – абсолютно нагло и настырно. Ну не хочет он отвечать, лень ему... Отстаньте... Пусть Вероника ответит, что ли... Там же, на кухне, есть параллельная трубка...

Он все-таки заснул. Коротко, но будто провалился куда. А через пять минут, вздрогнув, проснулся вдруг, словно кто-то неведомый подошел сзади и подпихнул его кулаком в бок. И вмиг приплыла в голову непонятно откуда взявшаяся тревога, будто он должен, непременно должен был что-то такое сделать... Что же... Что же... А! Телефон только что звонил! Наверное, надо все-таки взять трубку и ответить...

Он и взял эту трубку. Потом долго еще вслушивался в незнакомый мужской голос на том конце провода и никак не мог понять, о чем таком несусветном он бормочет так ласково ему в самое ухо и почему его жена, его Вероника, вдруг так незнакомо, так отчаянно-волнующе, на одной только вибрирующей ноте выговаривает в ответ этому голосу какие-то слова, и до не проснувшегося еще сознания все почему-то не доходило, что слова ее направлены навстречу именно ему, этому ласковому мужскому голосу. А потом наконец дошло. Только странно как-то дошло, потому что подумалось вдруг – зачем он взял в руки эту распроклятую трубку...

– Господи, да ну придумай чего-нибудь, Вероничка! У тебя что, фантазия совсем не работает? Или твой муж из этих, из суперревинных лохушников, да? – хохотнул в трубке голос и тут же добавил почти плаксиво: – Ну Вероничка, ну солнышко... Ну, пожалуйста... Давай поедem ко мне, а? Я так соскучился...

– Стас, да хватит тебе! – так же коротко и обидно хохотнула в трубку его жена. – Соскучился он... Я, что ли, не соскучилась? Что, что я придумаю? Сегодня же воскресенье! А по воскресеньям у нас время для семейной идиллии, все идет по задуманному плану: прогулка-обед-сон...

– Ну так и тем более! И пусть себе спит после обеда! А ты будто к подружке ушла или в парикмахерскую...

– Не могу я, говорю же тебе! У нас так не принято. Давай

лучше завтра...

– Да я умру до завтра! Ты что? Ты хочешь, чтоб я умер, да, Вероничка?

От Вероникиного тихого и с особым придыханием смеха будто пружина оборвалась в груди и очень больно, с силой ударила в голову. Еще плотнее прижав трубку к уху, Игорь продолжал слушать этот разговор и – странное дело – не испытывал ничего, кроме этой вот только боли, похожей скорее на горькую и незаслуженную детскую обиду. Идиллия по плану, значит... Прогулка-обед-сон... А что в этом плохого-то, в идиллии в этой? Ну, не нравится, так давно бы сказала...

– Нет, Стасик, не умирай. Чего ты, в самом деле. До завтра терпи. Завтра и увидимся, я у шефа отпрошусь пораньше. Ага?

– А хоть на полчаса ты можешь сейчас выйти, Вероника? Я, между прочим, за углом твоего дома стою. Мне даже из машины окошко твое видно.

– Нет, Стасик, не могу.

– Тогда хоть к окну подойди, я на тебя посмотрю...

Все. Дальше выносить этой обиды Игорь уже не мог. Положив трубку рядом с аппаратом, тяжело выбрался из кресла, тихо прошел на кухню. Вероника летуче обернулась к нему от кухонного окна да так и застыла с прижатой к уху трубкой, даже улыбку забыла с лица убрать, и она замерла-задержалась на нем несуразно и глупо, как нарисованная.

Или приклеенная. Или пристывшая намертво. Потом, опомнившись, она медленно вытащила серебристую трубку из-под копны белокурых волос, нажала на кнопку отбоя и принялась так же несуразно и глупо постукивать ею по этой застывшей улыбке, виновато и вопрошающе глядя на мужа.

– В таких случаях, когда муж дома, наверное, на мобильник звонить полагается? Или как? Что же он у тебя такой неосторожный, Стасик твой...

– А у меня на мобильнике деньги кончились. Вчера забыла внести, – совсем уж как-то обыденно и тихо-равнодушно произнесла Вероника, продолжая постукивать себя трубкой по губам.

– Ну что ж, жаль, что кончились. Теперь вот разводиться придется... – таким же обыденным и равнодушным тоном проговорил и Игорь, поднимая голову к антресолям и уже нацеливаясь озабоченным взглядом на ручку брошенного туда большого чемодана. Потом протянул руку и, ухватившись за эту ручку, стал с силой тащить чемодан на себя, старательно уворачиваясь от падающих сверху старых журналов. А Вероника так и стояла у окна, скрестив ноги и чуть присев маленькой и плотной, обтянутой зелеными короткими штанишками попкой на низкий подоконник, и все постукивала себя трубкой по красивым, пухлым, застывшим в дурацкой улыбке губам...

Потом Игорь долго, очень долго собирал свои вещи. Руки не поднимались вытаскивать из шкафа наглаженные ру-

башки, аккуратно уложенные свитера и пропахшие дорогим парфюмом пиджаки. Нелепо и обидно это было – собираться и уходить отсюда. От этого радостного воскресного солнца, от налаженной и благополучной во всех отношениях семейной жизни, от чесночно-жареного куриного запаха, от приятного мелькания зеленой твердой попки перед глазами... Вот не хотелось уходить, и все. Но и оставаться после всего случившегося тоже было нельзя. Ну никак нельзя. Хочет он, не хочет, а уходить все ж придется. Вот если б Вероника заплакала хотя бы или кинулась к нему с объяснениями-извинениями... Хотя нет, все равно он бы не остался. Тем более что и с извинениями она не кинулась, а так и стоит, наверное, на кухне у окна, так и стучит телефонной трубкой себе по губам... Вот же дурацкая ситуация – совсем не хочется уходить! И с чего это ей вдруг вздумалось впасть в этот пошлейший адюльтер? Никогда бы не подумал, что она вообще на такое способна. Прямо откровение какое-то, на голову с неба упавшее. Или из телефонной трубки коварно выползшее. Вот это откровение теперь и пиликает из лежащей рядом с аппаратом трубки, словно потешается над ним, вынужденным вот так, ни с того ни с сего, складывать шмотки в чемодан да уходить отсюда... Игорь дернулся нервно, подбежал к столику и шмякнул сердито телефонную трубку в гнездо аппарата, чтоб замолчала наконец. Все. Хватит. Пора уходить. Чего еще там на полках из его вещей осталось... Все надо забирать и уходить...

Взгляд его на секунду задержался на собственном отражении в зеркале платяного шкафа – мужик как мужик вроде. Довольно для сорока своих лет интересный, достаточно спортивный и во всех местах строго подтянутый и не дурак совсем, если до каких-никаких начальников сумел дослужиться. Ну, не олигарх, конечно, и не Том какой-нибудь Круз с Ричардом Гиром на пару. Внешность у него, что и говорить, самая обыкновенная – белобрысый, румяный да широкоскулый. И даже лысеть уже начал потихоньку да по-отцовски – у него такие же чуть заметные залысины к сорока годам образовались, раздвинули вширь и без того большой и выпуклый лоб. Мама еще пошутила тогда забавно так... Вроде того, что «умище у отца нашего наружу все прет и прет». В общем, мужик как мужик, чего там. Не дурак и не ленивый, не бандит и не тупой работяга в цветных семейниках, давящий воскресный диван с бутылкой пива в руках. Он, Игорь, между прочим, себя уважает. Он порядочный. Он честный. Он не муж-зануда – он просто любит, чтоб в жизни было все правильно. И не пьет, не курит. И не хуже он всяких там Стасиков. Он хороший был семьянин – хороший отец и хороший муж... Был, да сплыл, груш объелся...

А уходить все равно не хотелось! Он даже поймал себя на мысли, что не так уж и трогает его Вероникина измена. Нет такой уж особо тяжелой досады да ревности ни в голове, ни в сердце. Странно даже. А вот обида есть. Потому что не могла она взять и вероломно вдруг покуситься на семейное их и

крепенько уже устоявшееся счастье-благополучие с прогулками, запахами, бьющим через окно в глаза солнцем и нежной дремой перед телевизором. Потому что оно, это счастье, так просто с неба не свалилось, а устраивалось постепенно, и с годами вошло в его суть прочно и стало составной частью его жизни, и никакого такого права у нее нет лишать его всего этого.

«Ладно. Сейчас я уйду, конечно. Куда деваться-то? А там видно будет...» – подумал Игорь малодушно. Он вдруг как-то разом прочувствовал в себе это спасительное малодушие, которое так охотно уступило место необходимой для случая мужской горделивости, и оно вовсе не показалось ему чем-то совсем уж его недостойным. Он даже будто бы и охотно уцепился за него, как за тонкую веревочку. Конечно, видно будет! В конце концов, это же его собственная горделивость, и малодушие тоже его собственное, и ни перед кем, кроме как перед самим собой, он за эти чувства и не отвечает...

С трудом закрыв крышку чемодана, он выволок его и прихожую, молча натянул ботинки, просунул руки и рукава дубленки. На кухню к Веронике решил не заглядывать. Не смог...

– Пап, а ты куда? – высунулся из своей комнаты заспанный, удивленный Андрюшка. – Мы же в новую игру хотели поиграть... Которая интеллект развивает... Ты же сам говорил...

– Потом поиграем, сын. В следующее воскресенье. Ага?

Я заберу тебя на выходные к бабушке...

— Пап, ты что? Ты забыл, что ли? Я же завтра уезжаю в зимний лагерь! Я две недели там целых жить буду! А ты уходишь почему-то...

— Ну... Я к тебе туда приеду, Андрюшка... На выходные... Хорошо? Погуляем с тобой по лесу, на лыжах покатаемся...

— Пап, не уходи!

— Не могу, Андрюха. Так надо, сын. Давай потом поговорим, ладно? Я сейчас пока не могу тебе ничего объяснить...

— Ты, что ли, у бабушки жить будешь?

— Да.

— А почему?

— Потом, сын. Потом, все потом...

— А ты ведь вернешься, да?

— Не знаю. Там видно будет...

Со звоном бросив ключи от квартиры на тумбочку, Игорь открыл дверь, выволок чемодан на лестничную площадку и подопнул ее сзади ногой решительно. Она обиженно и закрылась у него за спиной, щелкнув хиленьким английским замком. Вздыхнув, он потащил свой чемодан к лифту...

Глава 2

«...Там видно будет... Там видно будет...» – так и отступивали свой ритм мужнины последние слова в голове у Вероники после дверного хлопка. Правильно он сказал – там видно будет. Только вот что такое особенное будет видно и где это там, она не смогла бы сейчас точно определить. Как-то сразу образовался в голове полный сумбур, с той самой секунды, когда она, обернувшись от окна, увидела лицо входящего на кухню мужа. И будто закаменело все внутри – то ли от проснувшейся вмиг совестливости, то ли от обыкновенного стыда перед мужем. Все ж таки, как ни крути, а она теперь ему не кто-нибудь, она теперь ему неверная жена... Но особого страха перед ситуацией почему-то не было. Было только легкое, едва заметное дрожание, похожее немного на страх, и все. Нет, конечно же она должна, должна была его остановить! Обязательно должна была, только вот не остановила почему-то. Может, потому, что внизу за углом стояла машина Стаса и он в этот момент внимательно смотрел в окно на ее спину, наверняка ему оттуда видную, и тем самым незримо здесь присутствовал? О господи, да что же это такое она натворила? Или, наоборот, правильно все сделала? Может, оно так и лучше? Или нет? Или и правда – там видно будет? Господи, хоть бы подсказал кто...

– Мам, а почему папа с чемоданом ушел? – вывел ее из

состояния ступора Андрюшка. Его ничего не понимающий, растерянный взгляд будто ударил по лицу, еще больше заставил устыдиться в содеянном.

Вероника протянула к нему руки, улыbnулась заискивающе:

– Сынок, папа какое-то время поживет у бабушки с де-душкой...

– А вы что, поссорились, да?

– Нет, Андрюш, не поссорились.

– А тогда почему?

– Ну, почему, почему... Просто он по ним соскучился!

– Как это – соскучился? Я завтра уезжаю, а он соскучился... Ты что?

– Ладно, сынок, не задавай глупых вопросов. Иди лучше вещи свои собери. Игрушки, книжки...

– А тогда я тоже никуда не поеду, вот! Раз папа к бабушке жить ушел, и я никуда не поеду!

Андрюшка задрожал полными губами и приготовился, как настоящий мужчина, изо всех сил сдерживать слезы, то есть боднул воздух крепким выпуклым лбом и весь напрягся, как перед прыжком вверх. И старательно заморгал. Игорева наука – держи, мол, себя до последнего, и борись, и помни, что мужики не плачут...

– Андрюш, ну чего ты... Ну перестань... Как это ты не поедешь? Ты же так хотел! Там же так здорово, там и друзья все с тобой будут – и Костик, и Никитка... А папа к тебе в

воскресенье придет – ты же сам слышал! Что ж это получится, папа придет – а тебя там нет? – как можно веселее и очень быстро проговорила Вероника, пытаясь помочь сыну в этой неравной борьбе с подступающими слезами. – Ты же у меня взрослый совсем, сам понимать должен...

– Ладно. Поеду, конечно, – сдавленно проговорил Андришка и ретировался спешно в свою комнату. Потому что девчоночьи слезы, кажется, собирались вовсе праздновать свою победу. Так что лучше уж и не показывать их, не позориться окончательно...

Вероника двинулась было вслед за сыном, но телефонная трубка в ее руке вдруг ожила. Господи, неужели опять Стас? Нет, она сейчас не готова ни к каким разговорам, она еще в себя не пришла от произошедшего пять минут назад трагического, в общем, события. Она не может, не может сейчас ни с кем и ни о чем говорить...

– Алло... – осторожно произнесла она в трубку и вздохнула облегченно, услышав обрушившийся на нее, как обычно, пулеметной очередью Каткин голос:

– Верка! Представляешь, мне письмо от Костика пришло! Пишет, что у них там через две недели будет день открытых дверей и родителям все покажут-расскажут, и казарму, и столовку, и что едят, и все-все прочее, представляешь? Я обязательно поеду, Верка! Денег займы на дорогу дашь?

– Ну, огорошила-затараторила! Вечно несет тебя с бешеной скоростью. Не женщина, а автомат Калашникова...

– Да сама такая!

– Ну уж, не скажи...

– Ладно, может, и не такая! А только если я автомат, то ты тогда настоящий тормоз! Вот! Поняла?

– Поняла...

Только давняя и верная подруга Катька могла называть ее Веркой. Так уж с детства их совместно-коммунального повелось. Выросли они в одной «вороньей слободке», в старой коммунальной квартире на окраине города, в богом забытом Востриковом переулке. Собственно, «вороньей слободкой», по большому счету, их совместное жилище и нельзя было назвать – всего лишь двухкомнатная квартира-распашонка на двух хозяев. Вернее, хозяек. И были этими самыми хозяйками матери Катьки да Вероники, женщины насквозь противоположные и друг другу сильно неприязненные. Только вот дочери, несмотря на взаимное недовольство соседством и друг другом их матерей, были очень дружны, и была их дружба-привязанность не соседской даже, а более, может, сложной, обусловленной одинаковым несчастливым детством в обществе вечно враждующих женщин и отсутствием каких бы то ни было отцов. Вернее, у Вероники отец был. Давно, правда. Исчез, когда она еще под стол пешком только-только научилась ходить. Потом появился, когда ей десять лет исполнилось, потом на свадьбу их с Игорем приходил. И все. А у Катьки вообще отродясь никакого отца не водилось. Зато она Вероникиного очень хорошо помни-

ла, потому как старше была на десять лет и в жизни ее принимала с самого рождения живейшее участие. И подруга, и нянька, и наставница, и дворовая защитница.

Была Катька некрасиво-кривоногая, маленькая и рыжая. И рыжина эта выпучивалась из нее не только несуразным ярко-коричневым цветом торчащих во все стороны жестких вихорков, но и особой какой-то, меткой некрасивостью. Такие же коричневые, как и волосы, плотно осыпавшие все лицо крупные неровные веснушки тоже его не красили и уж никоим образом не придавали ему классической прелести милого солнечно-весеннего обаяния. Катька, однако, из-за своей этой рыжей некрасивости, противу всяческой женской логики, не страдала совсем и выставляла миру свое пятнистое лицо даже с некоторой гордостью. Была она женщиной доброй, веселой и дружелюбной, зеркал в доме не держала, косметикой никогда не пользовалась и с удовольствием носила мальчишечьи тинейджерские прикиды, отчего, встретив невзначай на улице, ее запросто можно было принять за хулиганистого пацана-восьмиклассника. К тому же была она слегка подслеповата, отчего постоянно щурила узкими щелочками и без того маленькие глаза цвета совершенно неопределенного, зависшего между светлой желтизной и нежной зеленью. И если б не коричневая эта, плотно-основательно облепившая лицо рыжина, она смогла бы сойти также и за китайнку-торговку с какого-нибудь непривлекательного вещевого рынка. Но поскольку коричнево-рыжих кита-

янок как таковых в природе не водится, она была просто рыжей Катькой из Вострикова переулка, бывшей Вероникиной соседкой, подругой детства и юности, таковой, впрочем, и оставшейся на долгие последующие годы. Десятилетняя разница в возрасте нисколько их дружбы не смущала, да и возраст Катьку как-то не брал – в свои законные сорок лет ее маленькая кривоногая фигурка и не подумала даже как-то округлиться или двинуться вширь. Жила она по-прежнему в Востриковом переулке, так же соседствовала с Вероникиной матерью и даже поругивалась с ней иногда, но беззлобно совсем. Так, чтоб традицию соседства сохранить...

Вероника Катьку без ума любила. То есть отвечала ей полной, стопроцентной благодарностью за ту искреннюю дружбу и участие, без которого, наверное, и не выжила бы в коммунальном своем тяжелом детстве. Хотя, если посмотреть со стороны, жизнь Вероникина была намного, намного легче, чем Катькина. И мать ее, интеллигентная, в общем, женщина, в многодневные запои, как Катькина, не уходила, и матюком ни разу в жизни не ругнулась, и голодной Вероника ни разу не сиживала, и одета-обута была не хуже других, а только без Катьки все равно Вероника не обошлась бы никак. Только она ее и жалела, и понимала по-настоящему. И даже советовалась с ней, десятилетней, рожать или не рожать ей ребеночка от случайного пьяного залета на дворовой вечеринке. Вероника тогда долго и с испугом отговаривала ее от такого неверного шага, по-детски мотивируя свои доводы

тем, что надо бы прежде замуж выйти, но Катька, конечно же, ее не послушала. В те свои двадцать лет жизнь она успела познать со всяких-разных сторон и ни о каком таком замужестве при своей сомнительной неказистой внешности и не мечтала. Тем более и на жилплощади своей она осталась к тому времени одна – мать, отравившись купленной в магазине приличной на вид водкой, тихо умерла во сне, даже и не поскандалив с дочкой напоследок. Вскорости в их жизни появился еще и Костик, и все повторилось сначала, практически по тому же сценарию. Только подругой, нянькой, дворовой защитницей и даже, по моде новых времен, крестной матерью рыжему пацаненку была уже Вероника, отчего дружба ее с Катькой только укрепилась. Теперь ее крестник с забритой головой пребывал в солдатах-первогодках где-то под Новосибирском, и они вместе с Катькой жили в тревоге от письма до письма...

– Верк, а ты меня на поезд проводишь? А то я слепая, ты же знаешь. Еще не в тот поезд сяду...

– Катък, ну почему ты очки не носишь? Вот говорю тебе, говорю... Как маленькая, ей-богу!

– Да ну... Не хочу. Пошли они к черту, очки твои! Привыкнешь к ним, потом будешь от них зависеть, как наркоманка какая. Уж лучше так. И вообще, я где-то читала, что слегка подслеповатые женщины намного увереннее себя в жизни чувствуют!

– А это еще почему?

– Ну, они ж себя в зеркалах да витринах плохо видят. Очертания размытыми получаются, и возрастные всякие изменения самой себе в глаза не бросаются... Вот они и думают, что ничего еще выглядят, товарно-молодо. И плечи прямо, и грудь вперед, и подбородок выше – самообманываются себе же во благо, получается!

– И ты, что ли, тоже так себя обманываешь?

– Нет. Я – нет. Мне вся эта мадамская уверенность-самоуверенность по фигу. Я очки не ношу от лени. Возиться с ними неохота. Мешают. Забота лишняя. Ограничение моей свободы. Да и вообще – чего там особо пристально разглядывать-то? Сейчас так много вокруг происходит отвратного, что оно того и не стоит, пожалуй. Глядишь, и не увижу чего лишнего. Не так в голову бросится... А ты, подруга, от ответа давай не увиливай! Я не поняла, ты денег-то мне взаймы дашь или нет? Хочу Костыке всяких вкусностей закупить побольше. Он поест любит...

– Катък, а сколько тебе надо? Ты мне скажи заранее, ладно? Вдруг у меня столько не будет?

– Ой, да не смейся! Не будет – у Игоря возьмешь! Я ж потом отдам. Он же знает, я всегда отдаю...

– Катъ, а Игорь ушел.

– Куда? – оторопело спросила Катъка и замолчала настороженно. Даже трубка в руке у Вероники, казалось, вспотела от этой напряженной настороженности. – Куда ушел, Верка? Ты что такое лепишь? Совсем с ума сошла?

– Куда, куда... К маме с папой, наверное. Ему вроде как больше некуда. Пока некуда...

– Нет, подожди... Ты хочешь сказать...

– Да, Катька, да. Я хочу сказать, что Игорь собрал чемодан и ушел! Причем только что. Я еще в себя прийти не успела.

– А почему? Вы поссорились, что ли? Вы же вроде так тихо-мирно живете, как два пенсионера... Или... Или из-за этого твоего? Как бишь его там, мачо твоего, зовут? Из-за Стасика, да? Настучал кто-то все-таки? А я ведь тебя предупредила! Ой, горе ты мое...

– Да никто не настучал, Кать. Я сама на себя настучала. Стас мне позвонил, а я думала, Игорь спит...

– О господи, Верка... Ну и дура же ты! Господи, беда-то какая...

– Ну чего ты причитаешь-то так, Катька? – рассердилась вдруг на подругу Вероника. – Будто умер кто на самом деле. Ничего же не произошло! Все живы-здоровы...

– Да уж, ничего не произошло... – продолжала уныло канючить на том конце провода Катька. – Ты хоть соображаешь вообще, что натворила, глупая девчонка? Где ты себе еще такого мужика найдешь? Он же у тебя вообще реликтовый! Не пьет, не курит, не гуляет, ребенка любит... А Стас твой кто? Так, не разбери-поймешь. Пустая красивая головка, вот кто! Одни шмотки да тусовки на уме!

– Да ты-то откуда знаешь? Ты и видела его один раз всего!

– Ну да. Один раз. Так и хватило, чтоб все увидеть. Моя

рыжая рожа, знаешь, она как лакмусовая бумажка на мужиков действует!

– Как это?

– А вот так! Твой Стас на меня сразу скривился усмешкой презрительной – вроде как я для него уже заранее ничего не представляю, и не человек вроде. Вот ты – это да. Ты для него человек. И личико беленькое-красивое, и фигурка, и все прочее... А я – никто. Без внешней красоты меня как будто для него нет. Пустой он человек, Верка, ты не верь ему... Вот Игорю и в голову бы не пришло презирать человека за внешние данные. Он у тебя посложнее намного будет, чем этот твой простодырый финтифлюша Стасик!

– Он не простодырый! Зря ты так о нем, ты же не знаешь...

– Ой, да чего там знать! Обыкновенный тупой мужик, даром что весь из себя красавец. Двух слов связать не может. И ты на эту красоту купилась, как дура последняя. Нет, жалко, жалко мне твоего Игоря...

– Ну, что теперь делать! Ушел и ушел. Значит, судьба такая. Один ушел – другой придет.

– У-у-у... – горестно протянула вдруг Катька. – Все ясно с тобой, подруга дорогая. Ты не только на красоту запаала, ты еще и влюбилась, значит. Раз про судьбу заговорила, уж точно влюбилась. Причем совершенно по-дурному влюбилась...

– А если даже и так, то что? Права не имею, что ли? Могу я хоть раз в жизни себе позволить? А то все бегу, бегу

куда-то... Все спасаюсь и спасаюсь, со льдины на льдину перепрыгиваю... Ты хоть помнишь, как я замуж-то выходила? Лишь бы от мамы удрать, иначе точно б в психушке оказалась! Когда Игорь через месяц знакомства мне предложение сделал, я даже и думать не стала! Ухватила за него, как за спасение...

– Да помню я, помню, Верка. Мне ль не помнить... А только я всегда думала, что за Игоря ты тогда совершенно правильно ухватила. Что повезло тебе крупно. Как говорится, шла замуж по расчету, а вышла по любви. А ты вдруг взяла и выдала номер... Вот Александра Васильевна обрадуется. Точно будут именины сердца у мамы твоей.

– Катька, я тебя умоляю! Мама совершенно не в курсе дела, и я тебя прошу...

– Да ладно! Чего я, не понимаю, что ли? С такой потерей крови ты от нее отрывалась, чтоб теперь она в тебя обратно вгрызлась? Да не бывать этому! Не бойсь, Верка. От меня не отскочит...

Катька вздохнула и замолчала многозначительно. Молчала и Вероника. Как же хорошо все-таки, что Катька ее понимает. Никто не понимает, а вот Катька как раз таки и понимает...

Мать свою Вероника не любила. Она и сама не могла в точности определить для себя – за что. То есть могла, конечно, но, если бы взялась объяснить словами причину этой своей нелюбви, осталась бы наверняка непонятой. Слишком

уж причина была нелепой для постороннего уха. Женщина как женщина вроде ее мать, не лучше и не хуже других. Не злая и не добрая, не красавица и не уродина, и привычек всяких вредных вроде тех, какими страдала Катькина мать, тоже за Вероникиной матерью Александрой Васильевной не наблюдалось. Ничего такого особенного в ней вообще не было, кроме, может, одного только – страстного желания держать около себя дочь, как держит около себя кислородную подушку умирающий после третьего инфаркта сердечник. Не хотела в этой жизни Александра Васильевна ничего более так, как хотела свою дочь Веронику, вместе со всем ее существом, белым и гладким румяным личиком, белокурыми природными локонами, мыслями и привычками, надеждами и мечтами... Казалось бы, что в этом такого особенного? Наоборот даже, вроде как высшая материнская любовь в этом стремлении к близости с дочерью так проявляется. В стремлении знать каждый ее шаг, отслеживать оттенки настроения, наблюдать за духовным и физическим развитием, иметь возможность корректировать и подправлять, подправлять и корректировать... Это ж, можно сказать, обыкновенный процесс воспитания. А только было для Вероники в процессе этом нечто до крайней степени отвратное, что заставляло напрягать последние силы организма, чтоб не взорваться нервной, раздражительной дрожью после очередного блиц-опроса о каждой прожитой минуте прошедшего дня. Потому что вовсе не простого рассказа о незначительных

девчачьих событиях жаждала Александра Васильевна, да и что такого, скажите, особенного может происходить с послушной и тихой, хорошо воспитанной школьницей? Мама Вероникина жаждала совсем, совсем другого. Она жаждала ежедневного, ежечасного и празднично-экстазного слияния их с дочерью душ, преданного и трепетного проявления дочерней любви. Жаждала Вероникиного «сокровенного». Что это такое и с чем его вообще едят, это самое сокровенное, она толком не знала, да и неважно это было. Главное – чтоб слиться душами. Чтобы иметь к этому сокровенному полный доступ по непререкаемому материнскому праву. Чтобы все как в кино и в книгах. Она видела, она читала, она знала, что так бывает! И так должно быть и у нее, в конце концов! Чтобы дочь, забегая в дом после школы, красиво бросалась ей на шею и шептала, шептала на ушко свое сокровенное, и чтоб робко заглядывала в глаза, и чтоб смущалась... Она хотела именно так, и все тут. Потому что так правильно. Потому что именно так должны вести себя мать и дочь. И Вероника обязана, обязана быть такой! Не имеет она права прятать от матери сокровенное! Раз обязана – отдай! И душой, будь добра, слейся...

На Веронику иногда даже страх жуткий и маетный нападал от постоянно направленного в ее сторону материнского взгляда. О этот взгляд, пронизывающий жгучим любопытством... Он прожигает ее насквозь, убивает и втягивает, втягивает потихоньку в себя, по одной клеточке, по одной ко-

сточке, и ничего от нее вскорости совсем не останется. А с годами ей вообще стало казаться, что от навязчивого материнского желания жизни «душа в душу», от этого обжигающего болезненным любопытством взгляда накопившаяся внутри ее нелюбовь вдруг возьмет, не спросясь, да и распрямится звенящей пружиной, и произойдет тогда нечто совсем, совсем фантастически непредсказуемое и ужасное...

Своей нелюбви к матери Вероника стыдилась жутко. А одно время даже уверена была, что психически не совсем нормальна. И ни с кем, кроме Катки, не могла поделиться своими этими опасениями. И страдала, как умела. Кому ж признаешься, что мать свою не любишь? Мать же как лучше хочет, чтоб именно душа в душу, и никак иначе, чтоб дочери подругой быть... А подружки должны знать друг о друге всю подноготную, положено так... Чего тут плохого, если мать постоянно хочет видеть ее около себя? И что плохого в том, что она любопытничает до крайности? А может, она просто любит ее вот так, по-своему? Это ведь кому-то даже и нравится, наверное. И не должно у нормального человека по этому поводу возникать никакой такой внутренней нервной трясучки...

К девичьему возрасту созрела в ней уже стойкая привычка к героическому сопротивлению материнскому любопытству. Даже и приспособилась она к нему. Не вела дневников – мама их ловко и быстро находила, как ни прячь. Не заводила подруг – мама их допрашивала умело и с въедливым

пристрастием. Не разговаривала по телефону – мама могла с удовольствием подслушать все до последнего слова. Она жила с ней в одной комнате, послушно исполняла все дочерние обязанности, завтракала-обедала-ужинала, делала уроки и представляла себя маленьким и стойким оловянным солдатиком. Терпеливым и гордым. Солдатиком, мечтающим или вырваться однажды на свободу, или сгореть в огне. Лучше бы вырваться, конечно. Вот тогда она начала бы жить. По-настоящему. Набело. Сначала...

А пока надо было не погибнуть, надо было выдержать эту скрытую войну, которую и не заметил бы посторонний какой за их жизнью наблюдатель – живут и живут себе мать с дочерью тихо-мирно, отношения громко не выясняют, улыбаются всем вежливо. На самом же деле война эта отнимала у них все силы, и уходили эти силы совсем, совсем на разные цели. Мать во что бы то ни стало стремилась знать о своей дочери все, вплоть до самых потаенных мыслей, у Вероники же была цель противоположная – не дать ей ничего такого знать. Она даже и думать лишний раз о чем-то боялась. Казалось ей, что мама запросто может залезть к ней в голову и подслушать...

Хотя все это было бы еще ничего, терпимо даже, если б свое представление о потенциальной правильности и красоте их взаимоотношений мама не несла демонстрировать, как говорится, в люди. В школе, где училась Вероника, она слыла самой распрекрасной и популярной родительницей и неиз-

менно возглавляла все годы школьный родительский комитет. Очень, очень она любила хаживать к Веронике в школу, советоваться подолгу с учителями о развитии дочкиных способностей и о своей значительной в этом вопросе материнской роли. А иногда и просто шла встретить ее после окончания занятий и, стоя на школьном крыльце, улыбалась всем приветливо и перекидывалась с учителями по-свойски парой-другой фраз. Обязательным же рефреном к этим вежливо-коротким диалогам звучало, впрочем, всегда одно и то же, многократно и по нескольку раз ею упорно повторяемое: «...А мне вот дочка рассказывала... Вы знаете, она мне всегда все рассказывает. Мы с ней, знаете ли, как две подружки, живем. Просто ни дня друг без друга». Постепенно потребность в демонстрации этой самой «дружбы» приняла для Вероники совсем уж нехорошие формы. Маме вдруг захотелось, чтоб в глазах также и посторонних людей непременно наблюдалось от этой их «дружбы» законное умиление, и она начала вытаскивать послушную свою дочь на всяческие культурные мероприятия. По первому же ее требованию в более или менее людном месте Вероника обреченно просовывала холодную и вялую ладошку под мамин локоток, и наклоняла ей к плечу голову, и даже улыбаться старалась изо всех сил сердечно и преданно, как это делают без труда, в общем, а даже и с удовольствием все любящие своих матерей дочери. И чувствовала себя при этом давно сдохшей в своей клетке канарейкой, от которой злые хозяева упорно требуют

веселых песен. А что? Раз ты канарейка – так и пой своей хозяйке! Какое ей, в сущности, дело до того, что канарейка давно уже сдохла...

Ненависти к матери в Вероникиной душе все же не выросло. Процесс этот сам по себе остановился на нелюбви. Стыд Веронике помешал. А может, наоборот, помог. Потому что стыдно, ужасно стыдно не любить свою мать, какой бы странной она ни была. И любила ли ее мама по-настоящему, она тоже не знала. Не задавалась таким вопросом. Просто иногда ей казалось, что любовь из них обеих утекла одинаково. У мамы она полностью трансформировалась в любопытство, а у нее – во внутреннее ему сопротивление...

Слава богу, хоть Катька ее всегда понимала. И выручала, как могла. Зайдет, бывало, к ним в комнату с дурацкой какой-нибудь проблемой и ну давай переключать все внимание Александры Васильевны на себя, пока ее до белого каления не доведет. То так дурочкой прикинется, то этак... Или небылицы какие-нибудь оправдательные про Веронику сочиняет, почему та с уроков школьных посмела задержаться... В общем, Катька подругу свою принимала такой, какая есть. И не осуждала, слава богу. И психически ненормальной не обзывала. И даже успокаивала всегда как умела...

– Верка, да ты потерпи еще немного! Вот смотри – тебе же уже семнадцать, да? А через год ты совершеннолетняя уже будешь! Это же, считай, полная свобода! Школу закончишь – можно в институт поступить...

– Ага, в институт! Она и туда каждый день ходить будет, как в школу. Придет в деканат и будет там рассказывать, какие мы подружки. Засмеют ведь. Нет уж, увольте...

– Ну, можно тебе, например, морду танком сделать и на съемную квартиру уйти. А что? Тоже вариант...

– Кать, ну что ты говоришь... – грустно смеялась ей в ответ Вероника. – Какая съемная квартира? Тоже мне нашла для мамы препятствие...

– А вот еще вариант – можно тебе срочно замуж выско-
чить. При твоей-то красоте это раз плюнуть...

– Да где, где я тебе такого мужа найду, который мамино страстное любопытство на себе терпеть будет? Он же сразу от такой тещи сбежит! Она ж никому жизни не даст! Будет около него стоять со свечкой и интимно объяснять, что она с дочерью составляет единое целое, как сиамский близнец, и даже на минуту отойти не имеет права... Кто ж от такого не сбежит-то?

– Так вместе и сбежите! По крайней мере, повод для побега будет. И вообще, ты такого себе мужа ищи, который тебя из этого болота сам вытащит, как Царевну-лягушку. И от мамы спасет. Только учти – тебе для этого дела не мальчишка нужен, а серьезный уже мужик, и чтоб с характером был, потому как мальчишка с твоей матерью точно не справится. И чем скорее, тем лучше. Тут, знаешь, надо действовать быстро и напористо, чтоб твоя Александра Васильевна даже испугаться не успела. А промедлишь – она вообще тебя за-

муж не отпустит. Так что как только исполнится тебе восемнадцать – беги! Беги, Верка, не оглядываясь! Только тихо и на цыпочках! В любой замуж беги, который первый под руку подвернется...

Напророчила, в общем, Веронике Катька скорое замужество. Хотя опыта по части встреч да свиданий с мальчиками у Вероники к ее восемнадцати годам не завязалось совсем никакого, даже самого мало-мальского. Да и откуда ему, этому опыту, и взяться было – мама эту часть ее жизни, как и все другие-прочие, очень жестко отслеживала. Нет, она совсем не была против всяких там девчоночьих встреч-свиданий и даже с удовольствием залезла бы своими любопытными щупальцами внутрь к Веронике, с присущим ей сладострастием выпытывая все-все до мельчайших подробностей, да только Вероника опять же решила ей такого удовольствия не доставлять. Тем более к своим восемнадцати годам детская ее, робкая нелюбовь начала уже переходить в более стойкую и плотную неприязнь, и проводить всю свою жизнь рядом с этой каждодневной неприязнью она вовсе не собиралась. Но и признаваться всенародно в этом своем нелюбовно-недостойном грехе по отношению к хорошей, наверное, так отдающей всю себя без остатка и требующей от нее такой же обратной отдачи женщине тоже не собиралась. Зачем? Катька-то права... Бежать, бежать надо! Тихо и на цыпочках. Она и сама столько времени об этом думала-мечтала... Да и не бегство это получается, а спасение собственной жизни, ко-

гда приходится, не глядя, быстро перепрыгивать на другую льдину, чтоб до берега как-то добраться. А на следующей льдине холоднее все равно не будет. А если будет – следующая может мимо проплыть, и на нее перепрыгнуть удастся. Главное – чтоб маме ручкой прощально помахать, а это с любой льдины сделать можно...

Она сразу тогда почувствовала, что Игорь, этот взрослый уже, самостоятельный, практически тридцатилетний мужик крепко в нее влюбился. И предложение он ей сделал практически сразу. Она тут же за это предложение ухватилась обеими руками. Правда, квартиры у него своей еще не было, с мамой-папой жил, но в этом тоже оказались для Вероники свои плюсы. Потому что, если перебраться к свекру и свекрови на постоянное место жительства, маму можно с удовольствием и обломать, позволить себе такую вот маленькую радость, то есть развести руками театрально-безысходно – что ж, мол, теперь поделаешь, мамочка, придется тебе как-то без меня жить...

– Ах, Игорь, как же вы меня огорчили... – сокрушалась горестно мама, поджав губы и сцепив нервно пальцы рук. – Ну как же, как же у вас нет своей квартиры! Мы ведь, знаете ли, с дочерью очень друг к другу привязаны, мы и дня не можем прожить друг без друга... Она – моя жизнь, мой смысл, мой результат, мой свет в окне... Нет-нет, я совершенно не приветствую этого вашего предложения. Вот будет у вас, Игорь, своя квартира, тогда и посмотрим... А Верони-

ка без меня и дня прожить не сможет...

Игорь понимающе кивал и тоже, как Вероника, разводил руками. Ну да, не было у него своей квартиры. Да и потребности жить отдельно от родителей у него до тридцати лет тоже как-то не образовалось. Ну, жили они и жили себе в своей трехкомнатной, друг другом очень довольные, и ни малейшего по этому поводу невроза-раздражения не испытывали. Правда, потребность такая все-таки срочно вышла на первый план с появлением в его жизни юной Вероники. Очень, очень срочно вышла. Потому что, как ни странно, мама его восторгов по поводу будущей супруги совсем не разделила. Да и папа тоже. Своим предвзятым, конечно же, взглядом они разглядели в ней ту еще темную лошадку и выбора сына не одобрили. То ли слишком молода она для их сына была, то ли легкомысленна, Вероника уж и не помнила в точности. И совсем по этому поводу не комплексовала. Подумаешь – свекрови будущей не понравилась! И слава богу, что не понравилась. По крайней мере, претендовать на нее так же мазохистски, со всеми потрохами, как мама, не будет. Не будет, слава богу, выковыривать из нее всеми силами то внутреннее, которое выковыриваться вовсе не желает и прячется где-то в ней, трясясь от страха за свое право на существование.

Но свадьба эта, вопреки сопротивлению Александры Васильевны, все ж таки состоялась. И квартирный вопрос для Вероникиного срочного бегства-замужества сам собой решился неким приятно-неожиданным подарком. Таким

неожиданным, что Вероникина мать Александра Васильевна и не знала – то ли плакать ей от радости, то ли смеяться по этому случаю. Так вроде бы все хорошо поначалу на этой дочкиной свадьбе для нее сложилось...

Муж Александру Васильевну оставил, когда Веронике исполнился годик. Надо сказать, с замужеством этим тоже все как-то странно произошло. Потому что в свои тридцать пять она ни о каком таком замужестве и не мечтала, и вдруг повезло – посватался к ней один вдовец. Нахвалил ее ему кто-то – мол, живет бобылкой одна себе женщина, подруг-друзей во все никаких не имеет, и рассудительная, и порядок любит... Вот и сошлись они с Вероникиным отцом, и целых два года бок о бок прожили. Казалось Александре Васильевне, что очень даже хорошо прожили. Так, как надо. А только с рождением Вероники не заладился почему-то их брак. Затосковал ее муж, сам на себя не похож стал. И почему, непонятно... Она же так старалась устроить семейную их жизнь по правильному сценарию! Потому как что такое в семье муж, скажите? Муж – это носитель в дом достатка. Муж – это стена, за которой женщина должна заниматься своими святыми обязанностями по воспитанию детей. Посвящать им себя полностью и без остатка, на материальные проблемы никак не отвлекаясь. И вообще, нечего этому мужу даже и близко подходить к ее дочери... Зачем это? Пусть бы лучше о новом жилье для них подумал! Зачем, например, его мамаше большая двухкомнатная квартира, скажите? Ребенку простор ну-

жен, а тут какая-то комната в коммуналке... Да он обязан просто взять и переселить свою маму в эту коммуналку, а им с дочерью обеспечить законный двухкомнатный комфорт... Она и до свекрови даже пыталась донести такие понятные, в общем, свои требования, да только не получилось у нее ничего. Та, конечно, слушала ее длинные да правильные речи о разделении обязанностей в семейной жизни как необходимости построения правильных отношений между супругами и только кивала. Странно так кивала и все посматривала на сына сочувствующе. Так и ушел ее муж обратно к маме жить. Не состоялось у них семейного счастья. Правда, он пытался, конечно, в процесс Вероникиного воспитания-формирования нагло влезть, и даже из суда какие-то глупо-непонятные бумажки ей приходили, но потом отступился. Понял, видно, что дочь у матери даже на расписанное в тех бумажках время отнять нельзя. Еще чего те судьи придумали – два раза в неделю отпускать Веронику к отцу и бабке... Ага, размечтались...

А потом ее бывший муж в экспедицию какую-то северную надолго подался. Деньги на Вероникино воспитание хорошие от него приходили, тут уж претензий к несостоявшемуся супругу она не имела. Не нуждались они ни в чем с дочкой. Она даже смогла после того, как ее декретный отпуск закончился, позволить себе удовольствие уволиться и не ходить больше на эту противную и малооплачиваемую службу, потому как у нее теперь в жизни главным другое было – вос-

питание ребенка, а не какая-то там скучно-занудная бухгалтерия. В общем, хотел этого или не хотел бывший ее муж, а вышло именно так, как правильно. То есть так, как она и говорила всегда про это разделение супружеских обязанностей. Отец дочкин, выходит, теперь занимался материальной стороной дела, а она полностью себя отдала духовно-воспитательной...

Появился ее незадавшийся супруг со своих денежных северов, когда Веронике уже десять лет исполнилось. Пришел к ним, посидел около Вероники виновато, всплакнул за чем-то, пуская скупые слезы в северную отросшую бороду, и опять исчез надолго. И снова вдруг сюрпризом выплыл на Вероникиной свадьбе. Да еще каким сюрпризом! Взял и выложил перед молодыми в качестве свадебного подарка дарственную на квартиру для дочери. Ту самую квартиру, хорошую, двухкомнатную, в которой мама его жила, пока не померла. У Александры Васильевны аж дух захватило от такой его щедрости... Вот ведь как хорошо все складывалось! Она, пока за тем свадебным столом сидела, уж и прикинуть все успела, как они эту квартиру да ее комнату поменяют на большую трехкомнатную, и будет ее дочка теперь уж навсегда при ней и никуда от нее не денется... И так ей не терпелось своими планами с молодыми поделиться! Так не терпелось!

Да только не тут-то было. Странно, очень уж странно повел себя Вероникин Игорь после свадьбы. Прямо до крайней

обиды ее довел. Ну никак не мог понять, что они с дочерью составляют единое и нераздельное целое и что она вовсе ему никак бы не помешала, если б с ними вместе остаток жизни прожила... Зря она все-таки смалодушничала да позволила дочери выйти за этого Игоря замуж. Отвратил-таки он дочь от матери, воспрепятствовал всячески их общению. И Вероника, судя по всему, под это дурное влияние его попала – ничегошеньки теперь она о ее жизни не знает! Вот и выходит, что, кроме крайней обиды на дочь, ей теперь и жить больше нечем... Она даже с матерью Игоря решилась поговорить на эту тему, да только ничего из их беседы толкового не вышло. Ольга Артемовна выслушала, конечно, все ее претензии в адрес Игоря, улыбнулась вежливо и ловко попыталась уйти от разговора. Когда же Александра Васильевна совсем уж основательно наехала на нее своими требованиями «повлиять» на сына, все-таки выложила свою точку зрения на создавшуюся проблему, суть которой сводилась к тому, что «молодые и сами разберутся в своей жизни, и не нужно им никакого постороннего вмешательства...».

– То есть как, простите, постороннего, Ольга Артемовна? Вы что такое себе позволяете? – опешила от такой наглости Александра Васильевна. – Как вы не понимаете, что мы с дочерью не можем существовать друг без друга?

– А вы в этом уверены? Вы не ошибаетесь в своих предположениях? По моим наблюдениям, Вероника очень даже неплохо без вас обходится... – на всякий случай отстраняясь

от задохнувшейся яростью Александры Васильевны, вежливо проговорила Ольга Артемовна. – Я, конечно, вас где-то понимаю... А хотите, хороший совет дам? Купите себе собаку...

– Вы бы лучше сына своего побольше воспитывали, чем глупые советы давать! Он же просто хам у вас стопроцентный! Он же практически не позволяет мне с дочерью видаться! Я даже не знаю теперь, что происходит в ее жизни... Не бегать же ей ко мне тайком, в самом деле!

– А что? Захочет, и в самом деле прибежит. Хоть и тайком. Вот вы и ждите, чтоб она сама прибежала. А насиловать их своим присутствием я вам все-таки не советую...

Ольга Артемовна замолчала и больше так и не вступила в этот странный диалог, который вскорости сам по себе перешел в один только монолог Александры Васильевны, гневный и страстный. Сидела себе, помалкивала, подперев щеку рукой, да думала грустные свои мысли о том, что оказалась-таки эта молоденькая, хорошенькая Вероника с проблемами. Как в воду она глядела. С огромными внутренними проблемами оказалась эта девочка, тут и по психологам ходить не надо. Достаточно только эту ее маму сейчас послушать...

А Вероникин отец вскорости после свадьбы дочери умер. Вероника с Игорем на похороны ездили, а Александру Васильевну с собой даже и не позвали. Как будто чужая она им стала. И так во всем получилось – полностью они ее от своей

жизни отстранили. Неблагодарной оказалась ее дочь. Она в нее всю себя без остатка вложила, только ее жизнью и жила, и вот тебе пожалуйста – плачевный какой результат... Нет, совсем она ее не бросила, конечно, наезжает регулярно вместе с мужем раз в неделю, но как? Для того только, чтоб денег ей сунуть? Или холодильник загрузить продуктами? Да разве этим душевную потребность в дочери заменишь? Эту болезненную, непреходящую потребность видеть ее рядом, знать о ней все до самых мельчайших и вкусных подробностей... Нет, деньги и продукты она брала, конечно. Сердито называла все это жалкими подачками, но брала. Хотя и понимала, что совсем они не были такими уж и жалкими – Вероникин муж, надо отдать ему должное, в этом плане оказался как раз нежадным...

А Вероника, будто ей назло, еще и с соседкой все отведенное для визита к ней время пытается провести. Конечно, назло! Нет чтоб с матерью посекретничать, сразу к Катке своей рыжей бежит. Тоже нашла подружку. Она эту Катку рыжую с детства ненавидит и мать ее, пьянчужку, ненавидела. Обидно. Обидно! У нее, у Вероники, мать родная есть, а она – к рыжей Катке...

Глава 3

– Игорь, что случилось? Почему ты с чемоданом?

Ольга Артемовна застыла в дверях строгим сухопарым изваянием, с ужасом переводя взгляд с лица сына на торчащие из углов пухлого чемодана кусочки рубашки и полосатого галстука, потом, как солдат на плацу, сделала один четкий шаг назад и один в сторону, давая ему дорогу. Игорь вошел, молча стянул дубленку, забросил шапку на верхнюю полку прихожей и так же молча прошел в свою бывшую комнату, по пути все-таки запнувшись об этот злосчастный чемодан, хлопнувшийся об пол прихожей с виноватым глухим стуком. И закрыл за собой дверь. Не мог он сейчас ни о чем говорить. Тяжело было. Нельзя ни о чем говорить в такие вот минуты, когда жизнь вдруг ни с того ни с сего выворачивает тебя наизнанку. Наверное, только плакать можно. Но это уж женская привилегия, простите. А мужику все переплакать нельзя. Ему только все перемолчать можно...

Ольга Артемовна вслед за сыном не пошла. Моргнула растерянно в закрывшуюся перед носом дверь и ушла на кухню, без сил опустилась на мягкий диванчик. Игорь был очень благодарен ей за это. Он вообще родителей своих очень уважал. Да и не пошел бы к ним ни за что в такую вот минуту, если б только на миг мог представить свою мать заламывающей картинно руки и восклицавшей с пафосом что-то вроде

«я знала, я так и знала» или «зачем, зачем ты меня тогда не послушал». Не из таких его родители, не из торжествующих по поводу своей пресловутой прозорливости. И ни о чем таком, он знал, сами они не спросят, пока он свою версию произошедшего им не выложит. И примут эту версию тоже за данность. Любую, даже самую невероятную и надуманную. Так что он просто будет жить теперь здесь, и все. Как сумеет. Сорокалетний сыночек их, Игорь, вернувшийся неожиданно из стопроцентного семейного счастья под родительский кров...

Даже в комнате его за последние десять лет ничего не изменилось. Та же твердая тахта, покрытая клетчатым шерстяным пледом, тот же большой письменный стол с допотопным теперь уже компьютером, и занавески на окнах, и книги на полках те же самые. Только он теперь другой. Еще вчера прежний был Игорь – веселый, жизнерадостный и правильный сын, муж и отец, а сегодня уже другой, будто взяли и содрали с него прежнюю кожу и вывернули ее наизнанку так грубо, что она порвалась о торчащие на голове острые рога и кровоточит больно...

Он тут же задохнулся будто и с порога рванул к форточке, распахнул ее настежь, пустив в комнату морозный уличный ветер. И застыл у окна. Даже вид из него оставался таким же, как и десять лет назад, – тот же двор с самодельным катком, те же стылые и сморщенные стволы толстых тополей, та же оцинкованная крыша соседнего дома, так весело отража-

ющая солнечные лучи летом... Вспомнилось почему-то, как мама старательно уговаривала его не жениться на Веронике. Нет, не требовала исполнения своей материнской прихоти, а именно уговаривала. Ему тогда казалось – такие странные доводы приводила...

– ...Сынок, я же не первый год на свете живу, ты послушай меня... Вероника твоя, наверное, очень хорошая девочка сама по себе, но она тебя не может любить... Она еще очень юна...

– Да? – улыбался ей весело и поднимал брови домиком Игорь. – Это почему так? Разве твой сын недостойн любви юной девушки? Мне надо жениться на толстой вдовушке с тремя детьми, да?

– Да ну тебя... – грустно отмахивалась от него мать. – Ты же знаешь, я никогда в твои дела особо не лезла... Только, понимаешь, я твою Веронику насквозь вижу. Привыкла уже за тридцать лет людей насквозь видеть. А иначе на такой работе и года бы не продержалась...

Работа у Ольги Артемовны действительно была сложная и требовала от нее присутствия этого самого «сквозного» взгляда постоянно. С тридцати своих лет она руководила огромной областной клиникой, и руководила довольно-таки успешно. И даже прямые свои и, в общем, приятные для многих женщин обязанности по ведению домашнего хозяйства и воспитанию только родившегося сына отдала на откуп трудной своей, но такой социально важной и даже где-то по-

четной работе. По тем временам действительно почетной – кто ж станет за копеечную зарплату тянуть на себе этот воз? Только почетом и можно было в этой жизни медику утвердиться...

Сыном и домом заниматься пришлось мужу Ольги Артемовны, тоже медику, скромному врачу-педиатру, образцово-административную свою жену боготворившему. В хорошем смысле боготворившему, потому что любил ее очень. И роль бытового подкаблучника принял на себя осознанно, и никогда ею не тяготился. Гордился он своей женой бесконечно. И жили они душа в душу, то есть практически дома и не виделись. Просто знали всегда, что они есть друг у друга. Им и хватало. Без всяких там выяснений отношений, положенных семейных ссор по поводу не вынесенного на помойку ведра с мусором и нервотрепки под названием «где ты был – не ври, что на работе задержался...». И сын их Игорь рос в этой счастливой и суетливой нехватке родительского времени довольно благополучно. И ему досталось с лихвой от этого вкусного пирога родительской полувиртуальной любви. Мать над ним не тряслась днями и ночами, и отец особо воспитанием не мучил. Только приговаривал все время с улыбкой, отвечая на все его детские притязания: «Ты ж мужик! Сам не можешь вопрос решить? Обязательно тебе маму для этого надо?» Всегда и получалось, что он решал все свои вопросы сам. Ему казалось, что и с женитьбой своей, до тридцатилетнего возраста припозднившейся,

он тоже должен решить только сам...

— Мам, а может, тебе Вероника просто не понравилась? Как говорится, не к душе пришлась? А что, бывает же... Или в тебе ревность материнская проснулась?

— Да ничего такого во мне вовсе не проснулось! Ишь раз-мечтался...

— Ну а что тогда?

— Понимаешь ли, сын... У меня такое чувство, что она замужеством своим какую-то цель преследует... Нет-нет, в этом ничего как раз дурного нет. Все женщины, стремясь замуж, в общем, преследуют какую-то цель. Только тут другое... Она будто за твоей спиной от чего-то спастись хочет. Ей не замуж надо, ей броня жены нужна...

— Так и что в этом плохого, мам? На то спина мужа и есть, чтоб жена за ней пряталась!

— Нет, нет, сын. Ты не понимаешь... У нее другая какая-то проблема есть... А родители у нее кто?

— Да они с матерью вдвоем живут всю жизнь. Отца она и не помнит. Мам, да не переживай ты так! А то у меня комплекс неполноценности разовьется. Что, меня и в самом деле полюбить по-настоящему нельзя, что ли?

— Да можно, Игорь, можно! Еще как можно! Просто я хочу уберечь тебя от разочарований, как нормальная мать, и все. Вот не нравится мне твоя Вероника, хоть режь меня на части... Что-то не так с ней... А что не так, не пойму. Может, повременишь все-таки со свадьбой? Ты же всегда на полша-

га вперед все взвешивал, чего на этот раз так вдруг приспичило? А, сын?

– Да просто влюбился, мам! Влюбился, поглупел, голову потерял... Женюсь, женюсь просто срочно, просто немедленно женюсь, и все! И обязательно буду счастлив! А Веронику тебе придется принять, мамочка. Никуда ты от своей невестки не денешься...

Ольга Артемовна невестку действительно приняла, но только сдержанно очень. Дальше пуговиц не пустила. Подарки дорогие дарила, при редких встречах улыбалась вежливо, но и не более того. Да и сама невестка особо дружить с ней не рвалась. Девочкой она оказалась хозяйственной, Игорь ходил довольный, сытый и обихоженный и даже успевал на службе карьере какую-никакую сотворить, а это уже хорошо. Даже, можно сказать, замечательно. И внука им подарила крепкого и здорового, и институт закончила – вроде и придраться особо к ней не с чем было. И вот на тебе – произошло что-то... Как в воду глядела десять лет назад Ольга Артемовна...

Игорь постоял еще у окна под форточкой, пока не замерз. Вот жалко, что он не курит. Сейчас бы самое время затянуться сигаретой по-настоящему, по-мужски. Или выпить, к примеру, стакан водки. Чтоб сразу, чтоб одним залпом, нервно двигая туда-сюда острым, некрасиво обросшим щетиной кадыком. А только не получится у него ничего такого. Потому что он правильный. Потому что искренне всегда считал, что

имеет полное право быть этим самым правильным. Потому что ему хорошо было жить именно так – правильно. Водки не пить, табака не курить, щетиной не обрастать, любимой женщине не изменять...

Отойдя от затянутого хрупкой изморозью окна, он с размаху бросился на твердый диван лицом вниз и попытался на себя мысленно прикрикнуть – чего, мол, так раскиселился-то, идиот... Раз так получилось, значит, сам виноват. Что-то упустил в своем правильном семейном счастье. Где-то недоглядел. А может, не понял... Ну вот откуда, откуда он взялся, этот самый ее Стасик? Что у них было не так? Они же с полуслова всегда понимали друг друга, с полувзгляда... Веронике, например, не надо было в свое время ему объяснять, что с мамой своей она ни при каких условиях жить не желает. Ему хватило одного только взгляда на отчаянно-испуганное ее лицо тогда, на свадьбе, куда Вероникин отец приволок эту самую дарственную на квартиру. И он все понял, и взял все на себя, и осторожненько вывел из их интимной жизни тещу – Веронике даже с ней и ссориться за свою территорию не пришлось. Хотя какое уж там осторожненько... Если б знала Вероника на самом деле, как далось ему это самое «осторожненько»! Мамочка-то той еще черной пиявкой оказалась, и как она только с ней раньше жила, непонятно...

А может, он обидел ее чем? Обидел и не заметил? Хотя нет, она бы сказала... Они все и всегда друг другу откровенно высказывали, с самого первого дня совместной их жизни.

И в постельных всяких радостях она к нему претензий не имела. И не врала – он это прекрасно чувствовал. Нет, что-то тут не так, не так... Не могла же она ни с того ни с сего взять и разрушить все! Или он не понял чего важного? А может, она просто влюбилась? Вот взяла и влюбилась, бывает же... И голову потеряла. Ну да, конечно! Не просто банального ма-чо-любовника завела от скуки, а именно влюбилась. Почему он решил, что его жена всю жизнь должна только его одного любить? Если он в этом вопросе такой весь из себя правильный, то это ж не значит, что и она, его Вероника, должна быть такой же... Нет, все-таки зря он с ней не поговорил. Собрался тут же, как горделивый идиот какой. Будто все эти десять лет семейного счастья псу под хвост сунул, или она все эти десять лет плохой женой ему была, и ему вроде как теперь и жалеть нечего... Зря ушел. Надо было объясниться все-таки. Фу, мерзко как на душе... Да еще и у Андрюшки такие отчаянные глаза были... И не поговорил с мальчишкой толком, не объяснил ничего. Изведется теперь там, в зимнем своем лагере, на думы детские да грустные...

Он и сам не заметил, как уснул неловким, тяжелым сном, уткнувшись лицом в пахнувший теплой, чистой шерстью плед. И не слышал, как вскоре пришел с рынка отец, как тревожно-горестно шептался на кухне с матерью, как они, склонившись навстречу друг другу и напрягая плохо гнущиеся к старости позвоночники, стояли под дверью его комнаты, старательно вслушиваясь в тишину. А потом отец, не выдер-

жав, тихонько и дробно-испуганно постучал в дверь и просунул в нее осторожно седую голову, а мама стояла сзади, прикрыв рот сухой ладошкой...

Проснулся он только глубокой ночью – ноги затекли в неудобной позе. Рядом с диваном на стуле аккуратной стопкой было сложено одеяло, глажено-крахмальное постельное белье, подушка в цветастой, веселой наволочке. Он быстро застелил диван, снова лег. Однако сон больше не приходил. Так и пролежал, пялясь в утонувший в вязкой серости зимней ночи потолок с дурацкой самодельной лепниной по углам, дожидаясь хоть каких-нибудь спасительных утренних звуков – звона трамвая на соседней оживленной улице, например, или скрипа разошедшегося старого плиточного паркета, или недовольно-ворчливого хлопка толстой ржаво-железной подъездной двери...

Глава 4

Вероника тоже не смогла уснуть этой ночью. Лежала на своей половине большой супружеской кровати, старательно смежив веки, плавала в зыбкой тягости полусна-полуяви, когда совершенно точно знаешь, что не спишь, но все равно ночное время старательно уносит тебя в одному только ему ведомое пространство, где твоему сну давно уже заранее определено и отдано во власть емкое и надежное местечко, и маленькие стрелочки там уже ждут и сердито шуршат-отстукивают вхолостую свою сонную музыку положенных им часов, минут и секунд... Так и не дождавшись утреннего звонка будильника, она встала, вышла на кухню и, взгромоздившись на стул, потянулась за пачкой сигарет к потайному местечку – к расположившейся высоко под потолком вязаной корзинке с сухим букетиком сиреневых ирисов, призванных изображать собой нечто вроде покушения на японскую икебану. Достав ополовиненную уже пачку, уселась за кухонный стол, закурила. Курить вот так, на кухне, сидя за столом, сложив ногу на ногу и упершись локтем о стол, а не высунувшись головой в форточку практически на улицу, было совсем уж непривычно. И не бояться, что останется запах табака на кухне, тоже было непривычно. И сигарета была сухой и полувыпотрошенной от долгого лежания в корзинке и от маленькой своей сигаретной радости, что вспомнили о ней

наконец и разрешили отдать, как положено, свой вещный табачный долг, сухо и с наслаждением потрескивала и отдавала себя торопливо щедрыми порциями острого и едкого дыма. Все было непривычно, только радости от этой непривычности не было. Веронике все время казалось, что она, раздевшись, входит медленно в холодную воду незнакомого озера, и ежится, и не знает дна, но искупаться в этом озере все равно ужас как тянет...

Игорю со Стасом она изменила впервые. Оно и произошло все мимоходом как-то, на корпоративной вечеринке, откуда он, личный водитель их шефа, развозил всех по домам. Она последней осталась в машине, и они ехали по ночному городу под льюущиеся из мощных динамиков популярные песенки звездно-юных певцов-фабрикантов, и Вероника, пьяно дурачась, все старалась перекричать их слабенькие, переработанные синтезаторами голоса. Стас с удивлением и одновременно с большим удовольствием на нее поглядывал, потому как не каждый день можно наблюдать такое вот интересное зрелище – чтоб строгая, выдержанная во всех рьяных капризах дресс-кода и высоко ценимая самим шефом экономистка вдруг распоясалась, как шальная подвыпившая малолетка, и орала от души на всю проезжую часть дурным голосом модные песенки. А потом он пригласил ее пропустить в этот вечер еще одну рюмочку, и они пошли в бар, и Вероника изо всех сил старалась держаться прямо, и забавно балансировала на высоченных тоненьких

шпильках, и крутила лихо за длинный ремень свою стильную сумочку, и колготка у нее так мило пустила стрелку вверх от красивой сухой лодыжки... Он потом ей рассказывал, что стрелка эта самая и сыграла роковую, решающую роль в эту ночь. А иначе ему б ни за что смелости не хватило развернуть после похода в бар свою машину и повезти ее молча в обратную от дома сторону. И она тоже молчала, вжавшись спиной в переднее сиденье, не пела больше и не дурачилась, а лишь взглядывала на него сбоку испуганно и вопрошающе, будто и в самом деле ждала каких-то словесных объяснений...

Домой она в ту ночь пришла только под утро. Тихо открыла своим ключом дверь, тихо прилегла рядом со спящим Игорем. Он проснулся, уставился на нее удивленно, пробормотал сквозь сон нечленораздельное что-то. Вроде того – «волновался очень, надо было предупредить, что задержишься...». Она хотела было соврать что-нибудь из серии стандартно-успокаивающего – про севшую в телефоне батарейку, например, да Игорь снова уснул. Вообще, по большому счету, врать ей ему и не приходилось. Он никогда ей ревнивых истерик не устраивал. Впрочем, как и она ему. Да и поводов для этих истерик у них как-то не появлялось...

С той самой ночи и начался их со Стасом роман. Как все романы замужних-порядочных и начинаются – совершенно случайно. Потихоньку и со временем он креп, обрастал ни точками совместных их тайн, жгучих ссор и страстных при-

мирений, и все это было похоже на забавную детскую игру, из которой, если захочешь, можно в любое время будто и выскочить, и войти обратно с головой в реальную и удобную семейную жизнь. Только вот все не высказывалось почему-то. Хотелось еще немного пожить в этом таинственном, прикрытом от посторонних глаз флере, когда знаешь, что до встречи остается полдня, потом час, потом пять минут... А потом, быстренько натянув на себя образ роковой и очень уставшей от любви женщины, можно и посидеть расслабленно в интимно-тягучей обстановке хорошего бара, и потянуть хорошее вино из бокала, и выкурить пару сигарет... А после встать и, разрешив своему спутнику обнять себя сексапильно за талию, пройти, не торопясь, к выходу, словно объявляя таким образом всем в зале присутствующим, что они пошли заниматься тем, чем и положено заниматься молодым и сильным любовникам...

В общем, не сумела она выскочить вовремя из всего этого. Сама виновата. А надо, надо было суметь-то. Права Катька – другого такого Игоря она уж точно никогда не найдет. Жалко. И потому – страшно. Но ведь и Стаса тоже жалко...

Вздохнув, Вероника сильно затянулась и тут же закашлялась – она и курить-то толком не научилась. Так, умела для красоты или из озорства, может. Или исходя из сладости того самого пресловутого запретного плода. Хотя никто же ей ничего такого не запрещал. Она сама для себя скорее запрет этот создала – хотелось по привычке Игорю поддакнуть в его

неуемной правильности...

А вот и музыкальный центр в спальне, автоматически включившись, запел свои радостные, бодренькие шлягеры, перемежая их такими же бодренькими голосами известных на всю страну людей-будильников. Пора, пора начинать жить по-новому, пора входить в воду незнакомого озера и плыть дальше, как получится, и хватит уже ежиться от страха. Из зеркала ванной глянуло на нее какое-то не ее совсем, осунувшееся и тревожное лицо. Коричневые, некрасивые разводы под глазами, губы, сжатые в твердый, неприятный глаз бантик, – не ее это вовсе, не Вероникино. И даже природные белые кудряшки, вечно торчащие легкомысленным сексапильным нимбом надо лбом и висками, в это утро повели себя очень странно – послушно следовали за волосистой щеткой туда, куда она ее направляла, причесываясь. И кофе ей в это утро не хотелось. И громкой музыки тоже. Страшно, неприятно, неуютно было внутри. Как будто она сотворила вчера что-то такое, чего ужасно надо было стыдиться. Хотя, может, оно и в самом деле так было? Нет-нет, не так... Не так... Надо просто отбросить эту противную дрожь и войти наконец в это новое, знакомое озеро, хоть и не знаешь совсем его дна...

Андрюшка проснулся вялым, взглянул на мать грустно припухшими от ночных слез глазами. Долго, сопя, напяливал на себя одежду, долго размазывал по тарелке манную кашу, так и не справившись с ней до конца и никак не реагируя

на ее натужно-бодрые просьбы развеселиться-поторопиться. И упорно молчал. Так, молча, дошли они до ворот детского сада, где стоял уже в окружении провожающих своих чад в зимний лагерь мамаш-папаш, дающих последние им волнительные наставления. Забираясь уже в автобус, махнул вяло матери рукой и снова чуть было не заплакал, но вовремя отвернулся и плюхнулся на переднее сиденье у окошка. Опустив голову, начал старательно застегивать ремешок бокового кармашка на своем объемном рюкзаке, весь будто сосредоточившись на этом занятии, и не перестал упорно с ним копошиться даже и тогда, когда автобус, медленно тронув с места, начал выруливать потихоньку на проезжую часть, оставив на тротуаре тревожно улыбающихся и машущих руками, таких же, как и Вероника, молодых в основном мамашек. Она также улыбалась, конечно, и также махала рукой, но Андрюшка так и не смог оторваться от своего никчемного, в общем, занятия... «Расплакаться, наверное, боялся», – грустно подумалось ей и тут же захотелось и самой заплакать от жалости к сыну. А может, и не от жалости. Может, от неприятного чувства собственной виноватости... Проглотив появившийся в горле комок слез, она взглянула на часы и аж подпрыгнула чуть-чуть на месте, словно таким образом давая себе старт для торопливой пробежки к автобусной остановке – опоздает же, точно опоздает...

На работу Вероника не любила опаздывать. Она слыла там женщиной серьезной и пунктуальной, за что и ценил ее шеф

на фоне царящей в их офисе расхлябанности и при всех Веронику подхваливал. Да и сама она репутацией своей дорожила и даже присматривалась в порыве честолюбивого карьеризма к месту финансового директора, которое занимала в данное время на фирме шефова теща – дама, конечно, приятная во всех отношениях, но теща, она ж все-таки и в Африке теща... Надоест же она ему здесь когда-нибудь...

На общественном транспорте Вероника ездить отчаянно не любила. Фу, как противно. Противно стоять в проходе и, ухватившись за поручень, тупо смотреть в морозное грязное окно и слышать скрип стилого железа на поворотах... Да еще и взгромоздившаяся на свое высокое сиденье кондукторша в старой, лоснящейся курточке так неприязненно вдруг взглянула на ее неуместную здесь норковую шубу с шиншилловой отделкой... Не объяснишь же ей, кондукторше этой, что муж, который по утрам отвозит ее на работу, вчера свалил вместе со своей «Ауди» к маме с папой. А Стасик по утрам шефа отвозит...

На работу Вероника все-таки опоздала. Ворвалась на оперативку к шефу с красными от мороза щеками, плюхнулась сердито на свое место. Все оглянулись на нее с удивлением, но спрашивать никто ничего не стал. Бывает, мол. И на старуху находят проруха. И на уважаемого экономиста Веронику Андреевну, выходит, эта самая проруха тоже захотела напасть – чего тут особенного-то... Стас подошел к ее столу сразу после оперативки, сел напротив, подмигнул ободряю-

ще:

– Привет, Вероника Андреевна! Чего это опоздали сегодня? На вас не похоже...

Для всех сотрудников фирмы Вероника со Стасом тоже были как бы сотрудники. То есть тщательным образом маскировали свои отношения под легким выкающим флиртом да положенной корпоративной дистанцией, демонстрируя окружающим слишком уж старательно эти самые выканье и дистанцию. Так старательно, что наводило, как говорится, на мысль. И на нюх. И служило поводом для обострения небывалой прозорливости и всплеска всякой там дедукции да индукции у незлобивых, в общем, местных сплетниц и сплетников, и давало пищу для интереснейшего проведения времени в курилках и на чаепитиях, да и просто постоять-обсудить да поделиться своими наблюдениями и свежими догадками-подробностями, заглядывая в горящие глаза собратям по любопытству к чужой жизни, тоже было куда как занимательно. Говорят, что в страстном наблюдении за протеканием таких вот тщательно скрываемых любовных романов началась не одна женская дружба...

Вероника Стасу ничего не ответила. Потому что прикидывала в этот момент – сказать вечером или промолчать пока о произошедшем в ее семье событии. Так ничего и не решила. Улыбнулась только и, оттолкнувшись рукой от стола, откинулась мягко на спинку крутящегося стула. И стала постукивать авторучкой по пухлым губам, чуть поворачиваясь

из стороны в сторону на острой, высокой шпильке. Вот что у нее за дурацкая эта манера в последнее время появилась – чем-то себе по губам стучать? А может, это знак какой? Может, это ангел-хранитель или провидение ею вот так руководит? Стучит и стучит по губам – молчи, мол, дурочка, ничего сейчас не говори... Ладно, можно принять и за знак. Да и говорить, если честно, не хочется. Да и страшно. Еще подумает, что она навязывается ему на веки вечные...

Стас, сделав ей большие веселые глаза, украдкой постукал пальцем по циферблату своих часов и чуть дернул подбородком – давай, мол, бери ситуацию в свои руки. Вероника медленно опустила веки и так же медленно их подняла, открыв ему чуть затуманенный, задумчивый взгляд, что на их языке значило – поняла, мол. Есть, товарищ генерал. Беру ситуацию в свои руки...

– Стас, вы сегодня мне будете нужны! – громко и по-деловому произнесла она куда-то поверх его головы, то есть прямоком в уши тех самых, прозорливых, прислушивающихся и свои правильные дедуктивно-индуктивные выводы делающих. – Мне сегодня к двум часам надо ехать в налоговую инспекцию!

– А кто же шефа тогда по делам повезет? – также громко и где-то даже капризно-грубовато спросил Стас. – Тем более вы там всегда подолгу торчите, в налоговой своей...

– А с Геннадием Степанычем Олег поедет. Я с ним сейчас договарюсь...

Вероника решительно встала со своего крутящегося стула и протопала к выходу из кабинета, громко впечатывая тонкие шпильки в блестящий паркет. К шефу она всегда входила без доклада – одной из немногих он ей это благосклонно позволял.

– Геннадий Степаныч, я на минуту! – улыбнулась она ему уже от двери и быстро прошла к столу. – Я только предупредить, что мне сегодня в налоговую инспекцию надо, а там, знаете, всегда очередь. Вполне возможно, я не вернусь...

– Да, да, конечно же, Вероника Андреевна. Я понял, да... – не отрываясь от бумаг, летуче улыбнулся ей Геннадий Степанович. – Идите, конечно...

Вероника совсем уже было пошла к двери, но вдруг, будто вспомнив о важном каком-то обстоятельстве, снова развернулась к Геннадию Степановичу и произнесла с почти натуральной досадой:

– Ой, простите, совсем забыла. У меня к вам одна просьба... А можно, я на вашей машине поеду? Наш Олег всегда так лихачит за рулем, а у меня, знаете ли, фобия...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.